

А.Д. Дерендяева*

A.D. Derendyaeva*

**Голод 1930-х годов
в Казакской (Казахской) АССР:
влияние современного кинематографа
на конструирование идентичности**

**The Famine of the 1930s
in the Kazak (Kazakh) ASSR:
Influence of Modern Cinema
on the Identity Construction**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-12

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-12

УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Дерендяева А.Д. Голод 1930-х годов в Казакской (Казахской) АССР: влияние современного кинематографа на конструирование идентичности // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 124–132. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-12.pdf>

Derendyaeva A.D. The Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR: Influence of Modern Cinema on the Identity Construction // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 124–132. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-12.pdf>]

Abstract. The article investigates modern feature and documentary films, dedicated to one of the collective traumas of the 20th century, the Famine of the 1930s in the Kazak (Kazakh) ASSR. Analyzing the main plots and using comparative approach, the author identifies key markers of identity reflected in the films: 1) “love for the motherland, for historical roots”; 2) “natural conditions, climate”; 3) “image of an enemy”; 4) “image of a national hero”; 5) “collective feelings, behavior”; 6) “features of national culture”; 7) “sites of commemoration”. It is noted that the designated identifiers show the construction of ethnic (national) Kazakh, but not civil (multinational) identity, which is proclaimed by the political authorities of the Republic of Kazakhstan in the official discourse. At the same time, a characteristic feature of the films under study is the formation of a “friend-or-foe” binary opposition, which shows the desire to delegitimize the opponents’ narratives reflecting a different interpretation of this collective trauma, famine. Therefore, the comparative analysis allows to conclude that cinema is one of the tools of the identity politics and the memory politics in modern Kazakhstan, and at the same time it is an element of the symbolic space. In this connotation, the collective memory becomes a kind of an “assemblage point” of the historical past.

Keywords: historical memory, collective trauma, memory politics, famine of the 1930s, cinema of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kazakhstan.

The article has been received by the editor on 29.11.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье изучаются современные художественные и документальные фильмы, посвященные одной из коллективных травм XX в. – голоду 1930-х гг. в Казакской (Казахской) АССР. Анализируя основные сюжеты и используя компаративный подход, автор выделяет ключевые маркеры идентичности, отражающиеся в кинолентах: 1) «любовь к Родине, к историческим корням»; 2) «природные условия, климат»; 3) «образ врага»; 4) «образ национального героя»; 5) «коллективные чувства, поведение»; 6) «особенности национальной культуры»; 7) «места памяти». Отмечается, что выделенные идентификаторы показывают конструирование этнической (национальной) казахской, но не гражданской (многонациональной) идентичности, которую в официальном дискурсе провозглашает политическая власть Республики Казахстан. В то же время характерной особенностью

* **Дерендяева Анна Дмитриевна**, аспирантка, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Derendyaeva Anna Dmitrievna, Graduate Student, Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

исследуемых фильмов становится формирование бинарной оппозиции «свой-чужой», что показывает стремление делегитимировать нарративы оппонентов, отражающих иную интерпретацию данной коллективной травмы – голода. Поэтому проведенный компаративный анализ позволяет прийти к выводу, что кинематограф выступает одним из инструментов политики идентичности и политики памяти в современном Казахстане и в то же время является элементом символического пространства. Коллективная память в данной коннотации становится некой «точкой сборки» исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, коллективная травма, политика памяти, голод 1930-х гг., кинематограф Республики Казахстан, Республика Казахстан.

Для многих стран постсоветского пространства особую роль в политической повестке занимает вопрос осмысления и конструирования новой политики идентичности, которая бы не только способствовала формированию механизмов консолидации общества, но и регулировала возникающие дилеммы, затрудняющие процесс нациестроительства. Среди ключевых направлений данной политики большую роль играет «политика памяти», трансформирующаяся в коммеморативные практики. Однако не всегда память выступает в положительном контексте, иногда история отображает трагические нарративы. В научном дискурсе изучение феномена «коллективных травм» (trauma studies) становится все более актуальным, что объясняется установленной корреляцией с процессами последующего конструирования идентичности. В то же время интерпретация произошедших трагедий зачастую носит бинарный, а иногда и многополярный характер: все зависит от политических ценностей и установок акторов, освещающих историю прошлого. Так, для многих граждан бывших советских республик XX век ассоциируется с категориями негативной коннотации – «мировые войны», «голод», «революции» и т.д. С другой стороны, опросы общественного мнения среди респондентов постсоветских стран показывают, что есть и положительные оценки тех же самых событий¹. Такая ситуация объясняется тем, что «политика памяти», с одной стороны, проводится сверху и это приводит к частичному «мифологизаторству» исторического сознания, а также конструированию тех маркеров коллективной идентичности, которые рациональны с точки зрения органов государственной власти. В то же время появляются исследования независимых экспертов, зачастую выступающих с иной оценкой событий прошлого. Из-за этого «историческая память» может носить субъективный характер, не претендующий на абсолютную истину.

Поэтому для любой государственной власти важным становится проведение тех стратегий и практик политики идентичности, которые бы оказали массовое воздействие на процессы конструирования коллективного сознания. Среди различных инструментов «политики памяти» особую роль играет кинематограф, который актуализирует прошлое в современных образах и становится ретранслятором истории. Кино, в отличие от многих других инструментов («переписывание истории», «переименование географических объектов», «места памяти»), носит более массовый характер и способно определять настроения целых аудиторий. Часто киноленты становятся чуть ли не единственным источником знаний в обществе, формируя при этом определенное отношение к реальности.

На основании этого актуальным становится изучение кинематографа в постсоветских республиках, поскольку именно они в начале 1990-х гг. оказались в таких условиях, при которых нужно было проводить новую политику идентичности и, как следствие, формировать иное, основанное на других ценностях и коммеморативных практиках символическое пространство. Среди кинолент, посвященных «политике памяти» и, в частности, «коллективным травмам», значимое место занимают фильмы, транслирующие события коллектив-

¹ Каракулов М. Школьная история в учебниках народов бывшего СССР и общественное мнение // История и геополитика. 9 февраля, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (дата обращения: 19.11.2021).

зации и голода, процессы которых в XX в. затронули почти все бывшие советские республики (Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Литву, Молдавию, Украину и т.д.).

Особый интерес среди данных стран представляет собою Республика Казахстан, поскольку в этой стране была доказана высокая смертность в начале 1930-х гг. от массового голода. Однако, в отличие от той же Украины, травматический опыт казахов мало обсуждался в силу того, чтобы не обострять «проблемы прошлого» во внешнем диалоге с Российской Федерацией.

В силу своей политизированности проблема «голода в Казахстане» изучается исследователями «довольно аккуратно», тем не менее существует небольшое количество трудов, посвященных данной теме. Например, работы зарубежных исследователей – С. Камерон, Р. Киндлера² и отечественных – Д.Н. Верхотурова, А.В. Грозина³ и т.д.

Целью данного исследования становится анализ кинематографического дискурса, посвященного событиям голода 1930-х гг., а также выделение основных маркеров идентичности, которые отражают коллективную травму в целом. В качестве теоретической базы исследования выступает теория исторического сознания Й. Рюзена, в рамках которой события (под ними мы подразумеваем «коллективные травмы», историк обозначает их как «катастрофические») рассматриваются как решающие шаги в историческом процессе, влияющие на конструирование идентичности⁴. Важным эмпирическим методом работы послужил компаративный анализ, где в качестве объектов изучения становятся документальные и художественные фильмы, посвященные голоду начала 1930-х гг. в казахских землях. Сравнительный подход позволит выявить общие и различные идентификаторы (маркеры) в казахстанском кинематографе.

До событий, связанных с голодом, казахи на протяжении четырех тысяч лет практиковали кочевое скотоводство (овцы, лошади, верблюды). Такой образ жизни, с одной стороны, предполагал возможность адаптации к лучшим природным условиям – казахи останавливались там, где было больше хороших пастбищ и воды. В то же время подвижное скотоводство было одним из маркеров национальной идентичности.

В исследовании прежде всего изучалась территория, расположенная в центре Казахстана, к югу от Караганды. В годы голода, да и сейчас, данное место соотносится с таким нарративом, как «Голодная степь» или «Бетпак-Дала», что в переводе с казахского означает «Несчастливая степь». Именно здесь развернулись наиболее масштабные трагические события. В 1925 г. Ф.И. Голощёкин, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, приехал в столицу республики Кызыл-Орду (Красную Орду)⁵. В 1927–1928 гг. начинается кампания, направленная на уничтожение номунизма во всей республике. Советская власть заявляет о том, что кочевое скотоводство носит «нестабильный характер» производства и противоречит идеологии марксизма-ленинизма. По мнению органов государственной власти, процесс перехода казахов в современную нацию нужно решать за счет борьбы с баями («богачами») и последующим конструированием оседлого образа жизни. Осенью 1928 г. было выпущено Постановление о конфискации имущества, направленное против «наиболее крупных скотоводов» из коренного населения. Вместе с массовым сокращением поголовья скота начинаются затруднения в массовых миграциях казахов, а изгнание баев из казахских общин приводит к фундаментальному социальному переустройству. Некоторые казахи пытались бороться: распределяли свой скот между родственниками, продавали или забивали его. Еще одной формой протеста против советской власти стало бегство, физическая мобильность: в Киргизию, Сибирь и даже через границу, в Китай⁶. Кампания по конфис-

² Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca and London, 2018; Kindler R. *Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg, 2014.

³ Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: история Великого голода. М., 2010; Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан. М., 2014.

⁴ «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 41–44.

⁵ Cameron S. *The Hungry Steppe*... P. 34–36.

⁶ Irons W. *Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen* // *American Ethnologist*. 1974. Vol. 1, No. 4. P. 635–637.

кации байских хозяйств привела к серьезным последствиям и показала проблемы коллективизации, поскольку уже летом 1930 г. в Казахстане начинается голод, а вместе с ним волнения, восстания и последующие от советской власти репрессии.

К 1932 г. на данных территориях фиксируется большое количество умерших, вместе с тем появляются слухи о том, что люди употребляют грызунов в пищу, несмотря на то, что это противоречило религиозным воззрениям – исламу. Многократно увеличилось число беспризорных детей и т.д.⁷

Важно отметить, что с момента распада СССР политическая власть Республики Казахстан старалась не затрагивать темы процессов коллективизации и голода. Лишь в 2012 г. первый президент страны Н.А. Назарбаев отметил, что выступает против политизации данной темы. Он подчеркнул, что Казахстан должен оставаться в дружеских отношениях со своими соседями. Тем не менее в стране проводились коммеморативные практики, связанные с коллективной травмой. Так, 31 мая 2012 г. в Астане был установлен монумент жертвам Голодомора 1932–1933 гг., кроме того, данная дата была объявлена Днем памяти жертв политических репрессий и голодомора. Позднее, в мае 2017 г., в Алма-Ате была установлена скульптура из бронзы и гранита «Ана» (от казах. «мать»). Данный памятник представляет собою изображение женщины, которая прижимает к груди обессиленного от голода ребенка.

Для того чтобы выявить основные маркеры идентичности коллективной травмы, которые заложены в кинематографе Республики Казахстан, нами были рассмотрены художественные и документальные фильмы. Так, среди художественных были изучены следующие киноленты: фильм «Заманай» (1997), фильм «Жат» (2015) и фильм «Плач Великой степи» (2021).

Фильм «Заманай» (1997), режиссером которого является Б. Шарип, был снят по роману писателя С. Жунусова «Тропа» («Горные тропы») (1990). Сюжет фильма повествует о казахской девушке Балзии, «влюбленной» в свою родину – Казахстан. Героиня гордится местами, где она родилась: в киноленте символично отображаются географические достопримечательности – необъятные степи, высокие горы, голубые небеса и т.д. Однако начинаются процессы коллективизации и, опасаясь репрессии со стороны советской власти, девушке приходится бежать из своей деревни в Китай. Бывший дом становится воплощением образа коллективизации и голода – он оказывается полностью разрушенным, а отца Балзии убивают. Спустя много лет девушка предстает в виде пожилой седовласой женщины, которая вместе со своим внуком пытается вернуться обратно на родину, в Казахстан. Однако это не так просто. Здесь наблюдается внешняя борьба героя с препятствиями – попытка пересечь границу, убежать, стать свободным. Стоит отметить, что название фильма «Заманай» соответствует сюжету картины, поскольку в переводе с казахского слово обозначает «тяжелые времена».

Таким образом, анализ сюжета фильма позволяет нам выделить его основные маркеры идентичности: 1) «любовь к Родине, к историческим корням» – показана любовь к месту, где родилась главная героиня Балзия; 2) «природные условия, климат» – горы, пустыни, степи, небеса; 3) «коллективные чувства, поведение» – показаны три поколения – отец, ребенок (девушка) и внук, которые переживают трагедию – посттравму; 4) «образ национального героя» – отображается внешняя борьба, попытка пересечь границу пожилой женщины и внука и убежать, быть свободным; 5) «образ врага» – образ разрушенной деревни как символ коллективизации и голода, советской власти.

В основе сюжета другого проанализированного нами фильма «Жат» («Чужой») (2015) режиссера Е. Турсунова рассказывается история об отце и сыне, которые живут на казахских землях в скромной мазанке и работают в колхозе «Интернационал». Начинается коллективизация, и одной из жертв репрессии становится отец девятилетнего Ильяса – Едиге, ночью его убивают сотрудники НКВД. Оставшись без родителя, мальчик уходит в горы вместе со своим жеребенком, где остается навсегда. Ильяс начинает жить в пещере,

⁷ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 104.

охотится, собирает меха и шкуры. Спустя несколько лет начинается Великая Отечественная война, однако Ильяс не идет на фронт, за что к нему негативно относится весь колхоз, называя дезертиром. В заключительной части фильма с фронта возвращаются колхозники, которые принимают Ильяса за мертвого и избивают его. Он чудом выживает и продолжает оставаться отшельником, у него еще больше недоверия к людям. В конце фильма главный герой умирает в своей пещере в полном одиночестве.

В качестве ключевых маркеров данной киноленты можно выделить: 1) «образ врага» – в самом начале показан процесс охоты отца и сына на сусликов: они заливают одну нору водой и ждут у другой, когда грызун побежит, тем самым попав в силки (ассоциация «казахов» и «советской власти»); 2) «природные условия, климат» – горы, пустыни, степи, небеса; 3) «образ национального героя» – стремление быть свободным, уйти в горы, горы – как символ свободы; 4) «особенности национальной культуры» – жеребенок, конь – национальный символ у казахов.

Также нами была рассмотрена современная кинолента «Плач великой степи» («Ўлы Дала Зары») режиссера М. Кунаровой (2021). Фильм является не только художественным, но и считается, что он основан на исторических событиях, а поэтому имеет документальный характер. С самого начала феномен голода презентуется как следствие борьбы двух противоположностей: темного и светлого. В начале фильма яркие краски, позитивные ассоциации, показана жизнь казахов до трагических событий: чистое голубое небо, зеленая трава, много национальных блюд, музыка, радость, казахские гуляния. С момента начала страшных событий кинолента меняется, все становится серым, черным и выступает в негативной коннотации. К этим оттенкам присоединяется красный цвет, показанный как цвет крови, апеллирующий к советской власти, к НКВД.

В качестве ключевых маркеров можно выделить: 1) «природные условия, климат» – показаны горы, пустыни, степи, небеса; 2) «образ врага» – в киноленте есть сцена борьбы беркута с волком. Кроме того, в одной из сцен Ф.И. Голощёкину говорят, что беркут у казахов – священная птица, на что он отвечает, священная у нас – советская власть. Также маркером являются: 3) «особенности национальной культуры» – национальная музыка, юрты, лошади, одежда, еда, шанырак и т.д.

Среди документальных фильмов нами были рассмотрены и проанализированы следующие киноленты: «Великий Джут» (1992), «Зулмат. Геноцид в Казахстане» (2019), а также «Откочевники мертвой степи» (2019).

Так, фильм «Великий Джут» был снят в 1992 г. и отреставрирован в 2012 г. Кинолента достаточно непродолжительна, около 30 минут, она снята по мотивам книги В. Михайлова «Хроники Великого Джута». В фильме анализируются архивные документы, которые свидетельствуют о насильственном изменении традиционного уклада жизни казахов. Среди прочих ключевых идентификаторов можно выделить: 1) «коллективное поведение, чувства»; 2) «особенности национальной культуры» и т.д.

Похожего содержания документальный фильм «Зулмат. Геноцид в Казахстане» (2019) журналиста Ж. Мамаева. К ключевым маркерам киноленты можно отнести: 1) «образ врага», в качестве которого выступает Ф.И. Голощёкин, призывающий уничтожить лошадей, чтобы оставить казахов без них; 2) «особенности национальной культуры» – показаны кочевники, их оседлый образ жизни. Кроме того, в фильме используется достаточно контрастный лозунг: «Серп и молот – смерть и голод!» и т.д.

Наконец, последний документальный фильм, проанализированный нами, – «Откочевники мертвой степи» (2019), кинолента политолога Д. Сатпаева. К основным маркерам идентичности можно отнести: 1) «образ врага» – вновь выражается в виде Ф.И. Голощёкина как некоего мизантропа – человека, которого не остановит кровь; 2) «коллективные чувства, поведение» – гибель кочевого населения, уничтожил национальное самосознание; 3) «особенности национальной культуры» – разрушен традиционный уклад, достоинство, гордость растоптаны.

Схематично полученные данные отражены в таблице (см. таблицу).

Таблица

Основные маркеры идентичности художественных и документальных фильмов, посвященных проблеме голода 1930-х гг. в Республике Казахстан

Маркер (идентификатор) идентичности	Название художественных фильмов			Название документальных фильмов		
	«Заманай»	«Жат»	«Плач великой степи»	«Наубет»	«Зулмат. Геноцид в Казахстане»	«Отко- чевники мертвой степи»
1. «Любовь к Родине, к историческим корням»	+	–	–	–	–	–
2. «Природные условия, климат»	+	+	+	–	–	–
3. «Образ врага»	+	+	+	–	+	+
4. «Образ национального героя»	+	+	–	–	–	–
5. «Коллективные чувства, поведение»	+	+	+	+	+	+
6. «Особенности национальной культуры»	+	+	+	+	+	+
7. «Места памяти»	–	–	–	–	+	+

В настоящее время тема голода вновь поднимается в публичном пространстве Республики Казахстан. Так, в январе 2021 г. президент К.Ж. Токаев отметил, что если бы не эти коллективные травмы, то нация была бы во много раз больше, чем сегодня: «...к этому сложному вопросу нужно подойти сдержанно и ответственно...»⁸.

Итак, можно сделать следующие выводы. Официальный дискурс памяти о процессах голода 1930-х гг. носил неопределенный характер, что отразилось и в кинематографе Республики Казахстан. В целом можно выделить два этапа в эволюции кинолента, посвященных голоду 1930-х гг. В начале независимости страны коллективные травмы XX в. не являлись предметом публичного казахстанского дискурса и можно констатировать о периоде «замалчивания» (1990-е гг.) проблем прошлого. Фильмов, посвященных голоду 1930-х гг., небольшое количество, и они не носят категоричный характер, не конструируют ярко выраженные негативные коннотации или маркеры идентичности, стремятся дать наиболее объективную оценку прошлого (например, «Заманай», «Наубет»).

Второй этап в эволюции кинолента связан с настоящим временем: из-за смены политической повестки процессам голода и коллективизации стали уделять большую значимость и наступил так называемый период «оттепели» (2010-е гг.). В кинофильмах этого периода, как художественных, так и документальных, прослеживается схожий набор маркеров идентичности, а также общий нарратив, связанный с негативным образом советского прошлого. В фильмах отмечается резкая критика советской власти, что выражается через такие травма-

⁸ Токаев К.-Ж. Независимость превыше всего [Электронный ресурс] // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. 05.01.2021. URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (дата обращения: 19.11.2021).

тичные категории, как «геноцид», «голодомор», «кровь», «людоедство», «не люди» и даже лозунги – «Серп и молот, смерть и голод!».

Легитимация через прошлое осуществляется путем создания целой системы маркеров идентичности, отсылающих к событиям прошлого. Проанализировав художественные и документальные фильмы о голоде 1930-х гг. в Казахстане, можно выделить следующие маркеры идентичности: 1) «любовь к Родине, к историческим корням»; 2) «природные условия, климат»; 3) «образ врага»; 4) «образ национального героя»; 5) «коллективные чувства, поведение»; 6) «особенности национальной культуры»; 7) «места памяти».

Одним из доминантных маркеров идентичности в рассматриваемых кинолентах становится «образ врага», в лице которого выступает Ф.И. Голощёкин, советская власть в целом. Такие идентификаторы, как «свой-чужой», «мы-они», показывают, что даже в фильмах присутствует «конфликт идентичностей», продолжающий сохраняться на постсоветском пространстве. В данном случае можно говорить о «борьбе» концептов «этнонация» и «гражданская нация», когда признание второй категории в силу ментальной инерции и этнического национализма кажется для Казахстана, как и для многих других постсоветских стран, невозможным и порою опасным, отрицающим первый концепт.

Другим распространенным маркером идентичности становятся «коллективные чувства, поведение» – казахам приписываются одинаковые черты поведения, выражающиеся через следующие ценностные категории: «сплоченность», «сочувствие», «солидарность» и т.д.

Важным маркером являются «особенности национальной культуры», как правило, этот идентификатор демонстрируется в начале кинолент: показывается общественный строй казахов, их кочевой образ жизни, традиции, культурный уклад. Стоит отметить, что такие эпизоды сопровождаются в кинематографе яркими, светлыми, теплыми красками, вызывающими положительные чувства. С момента прихода советской власти, начала процессов голода и коллективизации цветовая гамма кинолент меняется на палитру так называемой «негативной коннотации» – появляются серые (и даже грязные), темные, холодные оттенки, сопровождающиеся утратой национальных черт: кочевое хозяйство прекращает функционировать, традиции и культурные практики сводятся на нет и т.д.

Несмотря на то, что маркер «любовь к Родине, к историческим корням» наиболее ярко выражен в художественном фильме «Заманай», так или иначе он присутствует и в других кинолентах. Однако в этом фильме наглядно показывается стремление главной героини Балзии вернуться обратно, на свою Родину, в противовес различным препятствующим факторам – возрасту, погодным условиям, границам и т.д.

Маркер «природные условия, климат» характерен для художественных фильмов, нежели для документальных. Так же как и маркер «особенности национальной культуры», сквозь его призму показываются «идеальные» природные условия для кочевого хозяйства – бескрайние степи, горы, пустыни, голубые небеса и т.д. Причем такие природные особенности в кинолентах сопровождаются теплыми временами года – показано ясное небо, отсутствие ветра, снега и т.д. При появлении советской власти, так называемого «врага», погодные условия резко меняются – буря, снег, метель, засуха, холод дополняют состояние казахского народа, показывая его тяжелую историческую судьбу. Чем сильнее становится голод, к 1932–1933 гг. казахские земли становятся пустынные, начинается их истощение, не остается ничего плодородного, демонстрируется отсутствие жизни.

Такой маркер идентичности, как «образ национального героя», находит свое отражение в кинолентах «Заманай» – там в образе героев выступают главная героиня Балзия и ее внук, а также в фильме «Жат» – здесь главным героем становится Ильяс. Герои демонстрируют настоящий патриотизм, уважение к своей земле – показывают истинные черты казахов: свободолюбие, непокорность, честность и т.д. В то же время во всех кинолентах в качестве доминирующих персонажей можно выделить казахский народ в целом. Казахи, несмотря на трагические события, показаны героически, способными на подвиг, выжить любой ценой.

В качестве идентификатора «места памяти» выбраны памятники жертвам голода, которые используются в кинолентах «Зулмат. Геноцид в Казахстане» и «Откочевники прошлого».

Места памяти в данном случае выступают как реконструкторы исторического прошлого, показывают ассоциативную связь с историей.

Таким образом, можно говорить о том, что воспоминания о коллективных исторических травмах зачастую носят политизированный характер и меняются в зависимости от государственной концепции нациестроительства и т.д. В такой коннотации «память как прошлое, пережитое сообща» становится «точкой сборки» для конструирования коллективной идентичности Республики Казахстан. Ностальгируя по прошлому, тому периоду, где не было голода, киноленты апеллируют к различным казахским ценностям, на основании которых нужно консолидироваться. Но вот насколько травматический опыт, институционализованный сверху, остается в памяти общества, остается открытым вопросом, поскольку постепенно он перестает вызывать сильные переживания.

Литература

Абылхожин Ж.Б., Масанов Н.Э. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: история Великого голода. М.: Самиздат, 2010. 370 с.

Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан. М.: ИВ РАН, 2014. 178 с.

Независимость превыше всего / публ. К.-Ж. Токаева // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. 05.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (дата обращения: 19.11.2021).

«Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. 256 с.

Школьная история в учебниках народов бывшего СССР и общественное мнение / публ. М. Каракулова // История и геополитика. 9 февраля, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (дата обращения: 19.11.2021).

Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca and London: Cornell University Press, 2018. 292 p.

Irons W. Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen // American Ethnologist. 1974. Vol. 1, no. 4. P. 635–658.

Kindler R. Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition, 2014. 381 s.

References

Abylhozhin, Zh.B., Masanov, N.E. (2007). *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazahstana* [Scientific Knowledge and Myth-making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty, Dajk-Press. 296 p.

Cameron, S. (2018). *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca and London, Cornell University Press. 292 p.

Grozin, A.V. (2014). *Golod 1932–1933 godov i politika pamyati v Respublike Kazahstan* [The Famine of 1932–1933 and the Policy of Memory in the Republic of Kazakhstan]. Moscow, IV RAN. 178 p.

Irons, W. (1974). Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. In *American Ethnologist*. Vol. 1, no. 4, pp. 635–658.

Karakulov, M. Shkol'naya istoriya v uchebnikah narodov byvshego SSSR i obshchestvennoe mnenie [School History in the Textbooks of the Peoples of the Former USSR and Public Opinion]. *Istoriya i geopolitika*. 9 fevralya, 2015. Available at: URL: <https://medium.com/history-and-geopolitics/-f9295c417758> (date of access 19.1.2021).

Kindler, R. (2014). *Stalins nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan*. Hamburg, Hamburger Edition. 381 s.

Repina, L.P. (Ed.). (2005). “Сеп’ vremen”: problemy istoricheskogo soznaniya [The Chain of Times: Problems of Historical Consciousness]. Moscow, IVI RAN. 256 p.

Tokaev, K.-Zh. Nezavisimost’ prevyshe vsego [Independence Above All] Posol’stvo Respubliki Kazahstan v Rossiyskoy Federacii. 05.01.2021 [Embassy of the Republic of Kazakhstan in the Russian Federation. 01/05/2021]. Available at: URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=4357 (date of access 19.11.2021).

Verhoturov, D.N. (2010). *Asharshylyk: istoriya velikogo goloda* [Asharshylyk: the Story of the Great Famine]. Moscow, Samizdat. 370 p.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022 г.